
ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Калле КАСПЕР

ПРОЩАНИЕ С ЖИЗНЬЮ

Несколько слов о пьесах Чехова

Чехов, как мне кажется, самый любимый писатель россиян. Уважают одни Толстого, другие Достоевского, взахлеб читают Булгакова, но такой искренней симпатии, такого трогательного чувства, как к Чехову, не питают больше ни к кому. Думаю, причина ясна: ведь он умер совсем молодым, и его искренне жаль! Притом удивительно, сколько он успел написать за короткую жизнь — невероятное количество «малой прозы» и несколько пьес, прочно утвердившихся на мировой сцене.

Калле Каспер — поэт, прозаик и драматург. Родился в 1952 году в Таллине. Окончил отделение русской филологии Тартуского университета и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве (теоретический курс). Автор нескольких романов, в том числе эпопеи «Буридапы» в восьми томах (премия Таммсааре), пяти сборников стихов на эстонском и двух на русском. Двукратный лауреат премии журнала «Звезда». Стихи Каспера печатались в журналах «Звезда», «Новый мир», «Нева» и «Литературная Армения», а эссе — в журналах «Звезда», «Нева», «Палimpseст», «Традиция и авангард», «Восток—Запад» и др. Каспер — лауреат премии имени Ивара Иваска, многолетнего редактора журнала «World Literature Today», за сборник литературных эссе (2021). Автор 37 книг.

О них, о пьесах, и пойдет речь, потому что в жанре драматургии Чехов реализовался полнее всего. Сколько бы рассказов и повестей он ни написал, романа у него нет, а роман — главный жанр прозы. Что же касается второго классического жанра — новеллы, то сосредоточиться на ней Чехову, видимо, мешал успех Мопассана: кто же хочет повториться.

В чем секрет привлекательности чеховских пьес?

Первое, что бросается в глаза — красивый, временами даже возвышенный язык его диалогов и монологов (а если высокопарный, то с ироническим оттенком). Пьесы в последние полтора века пишут большей частью прозой, притом прозой разговорного характера. Чехов пишет иначе, его герои, выражая мысли и чувства, изъясняются литературно оформленными, нередко длинными предложениями, благодаря чему, как будто само собой, возникает художественный эффект — ведь люди обычно так не говорят. В прежние времена подобный эффект достигался стихотворной формой — так писал тот драматург, которого мы знаем под именем Шекспира, так писали испанские и французские классики: Лопе де Вега, Кальдерон, Расин, Корнель... Но поэзия необязательно предполагает точный размер и/или рифму, существуют и «стихи в прозе» — вот на них и похожи пьесы Чехова.

Драматургия как жанр вообще ближе к поэзии, чем к прозе. Поэзия и драма имеют одинаковые истоки — обе рождаются от поэтического мироощущения автора. В этом, кстати, их существенное отличие от прозы, которая, скорее, требует интеллектуально-го осмысления жизни.

Чехов в душе — поэт. Да, он умен, это видно по его прозе, но поэтическое начало, ему свойственное, тоже искало выхода и нашло его в драматургии.

Поэзия занимает в пьесах Чехова настолько важное место, что даже затеняет собственно драматургию. Только «Иванов» прочно обосновался на драматургическом фундаменте, все остальные пьесы «расплываются», иногда настолько, что приходится гадать — о чем же они, выдвигая различные версии. А с «Ивановым» все ясно: пьеса говорит о трудностях межнационального брака. Брак — всегда соединение двух родов, и если родители жениха или невесты решительно против, то он редко получается счастливым; а при межнациональном браке опасность такого конфликта возрастает в несколько раз, в том числе по конфессиональным причинам. Сара заболевает из-за того, что родители ее отвергли. Родители человеку априори ближе супруга, потому что супруг — это дело выбора, а родителей не выбирают, они есть, они дали нам жизнь, и отказ родителей от сына/дочери — это всегда трагедия, всегда стресс, а стресс приводит к болезни. Положение Иванова не намного лучше, ведь он чувствует себя виноватым в трагедии Сары, страдает, что не в его силах исправить ситуацию, и потому лишается силы воли, хоть и сам в этом признаваться не хочет.

Нет у Чехова и героев — сильных личностей, наподобие героев и античных трагедий, и эпохи Ренессанса, и эпохи классицизма. Как ни странно, именно Иванов, несмотря на кажущуюся духовную слабость — единственный чеховский персонаж, которого можно назвать героем. Как-никак, именно он в конце пьесы совершает поступок — застреливается. Кончая с собой, он одновременно кончает со всем тем враньем, которое отравляло ему жизнь, и это возвышает его в наших глазах.

То же самое, увы, нельзя сказать о Треплеве, чье самоубийство, скорее, похоже на «вертерское». Молодой человек, ничего дурного не совершивший, не имеет морального права кончать с собой, это противоестественно, и поэтому на полноценного героя Треплев «не тянет». Иванов кончает с собой весьма театрально, при свидетелях, но причины его поступка серьезные, а у Треплева таких причин нет, но тем не менее от его решения в изрядной степени отдает театральностью.

«Иванов» — единственная пьеса Чехова, оставляющая жизнеутверждающее впечатление, все остальные — несмотря на различия в сюжете, атмосфере, героях — сугубо депрессивные. Самая депрессивная, разумеется, «Чайка», от которой веет такой безысходностью, что хоть сам покупай пистолет, но и более поздние пьесы по общему настроению мало чем от нее отличаются. Ясно, что после двух подряд драм, заканчивающихся самоубийством, далее нельзя было повторять подобный финал, но оптимистичнее последующие пьесы от этого не стали. Все попытки Чехова внести в текст некий «положительный» элемент, все его монологи о «прекрасном будущем» или о том, что «надо работать», выглядят не то что смешными — они выглядят жалкими. Тот, кто действительно работает, не болтает об этом на каждом шагу, у него на это и времени нет.

Но в «Чайке» есть хотя бы любовь, сильное чувство Треплева к Нине, а в следующих пьесах нет уже и этого. Отношения, которые Чехов изображает, страдают неполноценностью — они мимолетные, иногда и порочные. Объектом вожделений того или иного персонажа становится не девушка или хотя бы вдова, а замужняя женщина. Увлечение, притом обоюдное, кем-то, с кем, по большому счету, вступать в связь предосудительно, говорит о том, что жизнь у этих людей не сложилась. Единственное светлое (?) чувство — любовь Андрея Прозорова к Наталье — угасает быстро, и мы прекрасно понимаем почему.

Трещат по швам и обычные отношения между чеховскими героями. Характерно в этом смысле убийство Тузенбаха — настоящее убийство, хоть и произошедшее на дуэли. Ходили два офицера в один дом, сидели за одним столом, а потом один прикончил другого. Но еще дичее этого факта — отсутствие на него нормальной человеческой реакции. Даже Ирина, вроде бы невеста погибшего, немного поплакав, заговорит на постороннюю тему; остальные так вовсе о случившемся не упоминают.

Все это заставляет думать, что Чехов в пьесах не говорил о том, что он видит во круг — как настоящий поэт, он говорил о самом себе, о своей трагедии. Ко времени написания остальных, после «Иванова», пьес он уже знал, что обречен. Врачи знают о смерти больше, чем остальные люди, в том числе о своей смерти, их невозможно убаюкать рассказами о «бессмертной душе», они отвечают: «Искал душу острием скальпеля, но так и не нашел ее» (Золя. «Страница любви»). Поэтому пьесы Чехова можно рассматривать как своеобразное «расставание с жизнью», прощальный, грустный монолог о мире, в котором его автор жил, трудясь как вол, без малейшей надежды на то, что можно что-то изменить к лучшему, и так и не познав великой любви.

Однако именно эта безнадежность и создает ту особую атмосферу чеховских пьес, которые мы так любим, как и самого Чехова.